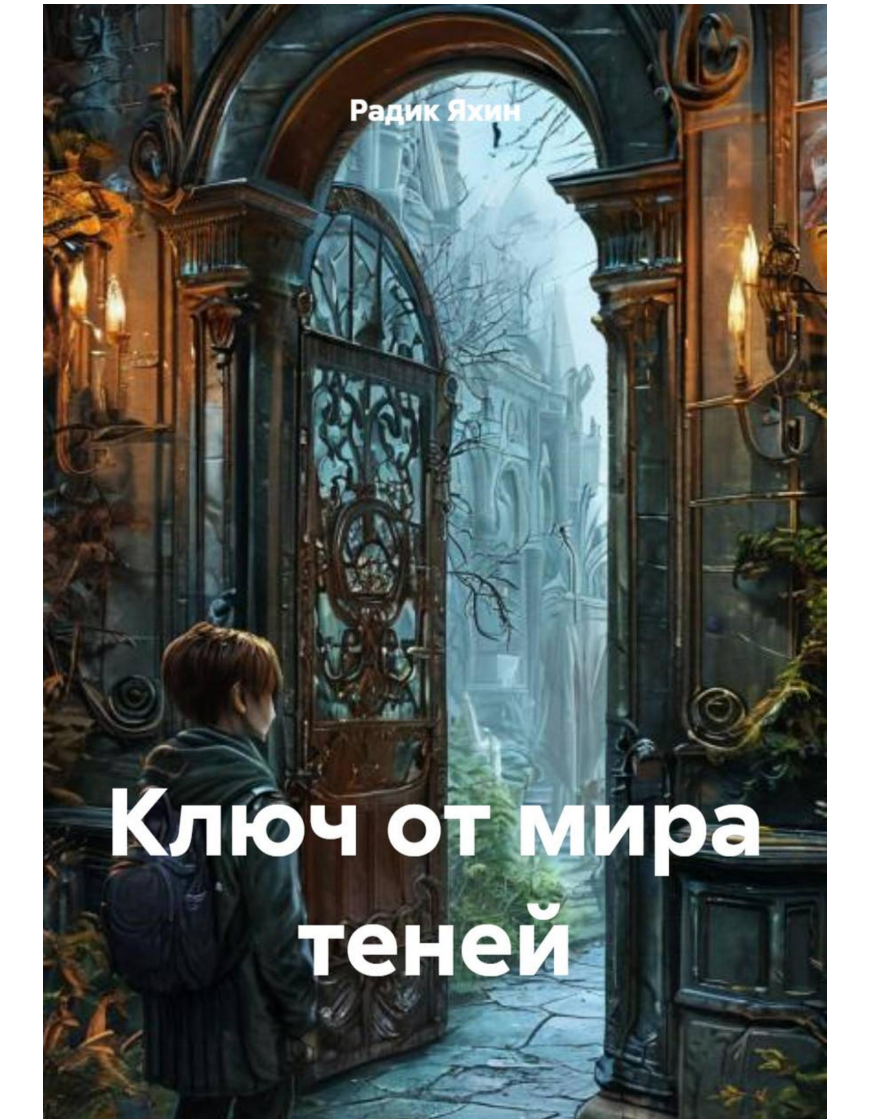

A young boy with reddish-brown hair, wearing a dark green jacket and a backpack, stands in the foreground, looking through an ornate, arched doorway. The doorway is made of dark, polished metal with intricate scrollwork and glass panels. The interior of the doorway is dimly lit, with warm, golden light emanating from sconces on either side. Outside the doorway, a misty, gothic cityscape is visible, featuring tall, white stone buildings with arched windows and doorways. Bare, dark trees are silhouetted against the pale, hazy sky. The overall atmosphere is mysterious and atmospheric.

Радик Яхин

Ключ от мира теней

Радик Сайфетдинович Яхин

Ключ от мира теней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73293598

SelfPub; 2026

Аннотация

Подросток находит старинный ключ, который открывает двери в параллельный мир, где живут тени умерших. Но каждое открытие крадёт у него часть памяти. Последняя дверь ведёт к его собственной тени.

Радик Яхин

Ключ от мира теней

Артем спускался в подвал со смешанным чувством досады и любопытства. Мать попросила найти старую швейную машинку, которая, по её словам, должна была стоять где-то за ящиками с ёлочными игрушками. Воздух здесь пах пылью, сырой землёй и чем-то ещё – сладковатым и неуловимым, как запах увядающих цветов. Луч фонарика выхватывал из мрака паутину, оплетающую стропила, груды пустых банок и бабушкин сундук с откинутой крышкой. Именно там, под слоем пожелтевших газет, он его и увидел. Не ключ от сундука – тот торчал в замке, – а другой, лежащий отдельно на бархатной тряпочке, давно утратившей цвет. Он был непохож на обычные ключи: длиннее, с причудливой бородкой, напоминающей сплетённые ветви дерева, и массивным кольцом-головкой. Металл, покрытый рыжей ржавчиной, казалось, вобрал в себя весь полумрак подвала. Артем потянулся, взял его. И тогда случилось первое странное. В пальцах ключ оказался неожиданно тёплым, будто его только что выпустили из рук. А потом – слабая, едва уловимая пульсация, словно под ржавчиной билось крошечное сердце. Он вздрогнул и почти выронил находку, но удержал. На ладони, там, где касался металл, остался бледный, пепельный след, будто от прикосновения прогоревшего пепла. Он попытался

стереть его, но отпечаток, похожий на тень от мелких веточек, не исчезал.

Сон пришёл к нему в ту же ночь. Не сон даже, а ощущение падения сквозь слои ваты и тишины. Голоса были лишены тембра, пола, возраста – они шуршали, как сухие листья по асфальту, сливались в невнятный шёпот на грани слуха. «Открой...», «...ждёт...», «...вспомни...». Артем ворочался на кровати, пытаясь разобрать слова, но они ускользали, оставляя после себя лишь чувство глубокой, ледяной тоски. Он проснулся с тяжёлой головой и странной пустотой в груди. След на ладони побледнел, но не исчез. За завтраком мать, взглянув на него, нахмурилась. «Ты опять засиделся за компьютером? Лицо серое». Он промолчал, сжимая в кармане джинсов тёплый металл ключа.

Вспомнил про деда. Дед Игнат умер за два года до этого, оставив после себя дом, полный странных вещей, и репутацию чудака. Он часто говорил с самим собой в саду и коллекционировал старые замки. Артем отправился на чердак, в бывшую дедову мастерскую. Среди ящиков с инструментами и полуготовыми деревянными фигурками он нашёл кожаную тетрадь с потрёпанными углами. Дневник. Листы были исписаны острым, наклонным почерком. Большая часть записей касалась обычных дел: посадка помидоров, цена на гвозди, визит к кому-то. Но на предпоследней странице, датированной за неделю до смерти, стояла всего одна фраза, выведенная с таким нажимом, что перо продавало бумагу:

«Они смотрят из дверей, что не видны. Ключ надо спрятать. В землю. Или в забвение».

Ледяная игла прошла по спине Артема. Он вытащил ключ. В тусклом свете чердачного окна ржавчина на нём казалась запёкшейся кровью. Бородка ключа идеально повторяла узор, нарисованный дедом на полях тетради – сплетение ветвей без листьев. Артем почувствовал, как ключ в его руке снова замерцал тёплым пульсом, будто отозвался на найденные слова. В тот вечер он стоял перед старым дубовым шкафом в гостиной. Шкаф был огромным, массивным, привезённым ещё прадедом. Артем тысячу раз открывал его, доставая одеяла или настольные игры. Но сейчас его рука с ключом тянулась к нему сама собой, будто на магнит. Он не собирался вставлять ключ в замочную скважину – её там попросту не было, шкаф закрывался на обычную щеколду. Но когда холодный металл приблизился к стыку дверец, дерево... дрогнуло. Тихо, едва слышно. Артем вставил ключ в центр, где должен быть замок. Ветвистая бородка вошла в дерево, как в масло. Он повернул. Раздался мягкий щелчок, не железный, а словно лопнул большой мыльный пузырь. Дверцы шкафа отъехали сами, без скрипа. Но за ними не было полок с бельём. За ними висел туман. Густой, молочно-серый, неподвижный. Он стелился по невидимому полу, подёрнутый слабым мерцанием, и уходил вглубь, в непроглядную даль. Оттуда потянуло тем же сладковатым запахом увядания, что и в подвале, только в тысячу раз сильнее. Ар-

тем отшатнулся, и дверцы захлопнулись с тихим вздохом. Ключ, выпавший из замка, упал на ковёр и лежал, остывая. На ладони отпечаток веточек горел, как свежий ожог.

Он вернулся к шкафу через три дня. Три дня кошмаров с шёпотом и трёх дней, когда ключ, лежащий на тумбочке, словно звал его, тихо вибрируя в такт пульсу. След на ладони не исчезал, он стал частью кожи, как родимое пятно. Любопытство перевесило страх. На этот раз Артем был «вооружён» – взял с собой рюкзак с фонариком, бутылкой воды и складным ножом. Глупость, он понимал это. Но так было спокойнее.

Ключ снова вошёл в дерево, поворот – щелчок. Туман был на месте. Артем глубоко вдохнул, шагнул вперёд и провалился в молочную пелену. Ощущение было странным: несколько шагов в плотной, влажной вате, и туман вдруг рассеялся, будто его отдернули, как занавес.

Он стоял на улице. Вернее, на том, что ею являлось. Город вокруг был выстроен из оттенков серого: от почти чёрного графита теней под карнизами до тускло-серебристого цвета неба. Небо было низким, однородным, без солнца, луны или облаков, просто плоский серебряный купол, излучающий рассеянный, не дающий теней свет. Здания – высокие, с бесконечными рядами одинаковых окон, с острыми шпилями и арками – уходили ввысь, теряясь в дымке. Они не подчинялись перспективе, ближние и дальние казались оди-

наково чёткими и одновременно размытыми. Улица, мощённая тёмным, почти чёрным камнем, была абсолютно пуста и тиха. Тишина давила на уши, в ней звенел собственный кроветок Артема.

Он пошёл, его шаги отдавались глухим, приглушённым эхом, будто город впитывал звук. Прошёл мимо витрины магазина – за мутным стеклом не было ни товаров, ни света, лишь глубокий чёрный зев. Потом он увидел первую тень. Она стояла под аркой, неподвижная, двумерная, похожая на вырезанное из чёрной бумаги силуэт человека. У неё не было лица, лишь размытый овал, на котором иногда пробегали всполохи, напоминающие мимику. Артем замер. Тень повернула к нему свой безликий профиль и поплыла прочь, не отрываясь от стены, скользя по камню, как пятно.

Чем дальше он углублялся, тем больше теней появлялось. Они были везде: у окон, в подворотнях, просто стояли посреди улицы. Все одинаково безликие, беззвучные, живущие своей непостижимой жизнью. Артему стало не по себе. Он решил вернуться, но, обернувшись, не увидел знакомой арки, откуда вышел. Улицы сходились и расходились, образуя идеальную, безжизненную геометрию. Он потерял точку входа.

И тут одна из теней отделилась от стены и приблизилась к нему. Она была выше других, с широкими плечами. Она остановилась в шаге, её размытый контур колыхался. Артем застыл, ожидая чего угодно. Тень медленно подняла ру-

ку-пятно и... коснулась своего безликого «лица». И Артем вдруг, с ледяной ясностью, узнал этот жест. Так всегда поправлял очки дед Игнат. Он делал это, когда был взволнован или сосредоточен.

– Дедушка? – вырвалось у Артема шёпотом.

Тень замерла. Потом из неё, не через звук, а прямо в сознание Артема, хлынул поток образов: зелёная скамейка в саду, запах свежеспиленной яблони, тёплые руки, надевающие на маленького Артёма вырезанную из ветки свистульку... Любовь. Безусловная, тихая любовь. И следом – боль утраты, острое чувство вины (за что?), и снова любовь, как последний якорь. Артем схватился за голову, образы бились в ней, как птицы о стекло. Он едва не закричал от этой прямолинейной, обнажённой эмоции.

И в этот миг что-то щёлкнуло у него внутри. Как будто выпала маленькая шестерёнка из сложного механизма памяти. Он почувствовал не боль, а пустоту. Резкую, осязаемую. Артем отпрянул, тень деда медленно опустила руку и отплыла назад, к стене, растворяясь в сером камне.

Артем побежал. Он не помнил куда, просто вперёд, пытаясь убежать от этого места, от этой пустоты в себе. И наткнулся на дверь. Обычную деревянную дверь, встроенную в глухую стену между двумя окнами. На ней не было ни ручки, ни таблички. Он судорожно вытащил ключ, ткнул им в то место, где должен быть замок. Дверь открылась, и за ней, к его невыразимому облегчению, он увидел знакомую гости-

ную, слабый свет ночника и ковёр. Он выскочил, захлопнул дверь. Его рвало от волнения и ужаса в уголке коридора.

Позже, лёжа в кровати, он пытался собрать мысли в кучу. Дед. Он видел тень деда. И дед... что-то сказал ему. Нет, показал. Что-то важное. Но что-то другое ускользнуло. Что-то важное для него. Артем взял телефон, хотел позвонить сестре, Лере. Младшая сестра, двенадцать лет, вечно смеющаяся. Он хотел услышать её голос. Набрал номер, поднёс трубку к уху. И вдруг застыл. Завтра? Или послезавтра? Какое-то событие. Связанное с Лерой. Важное. Он силен был вспомнить, лихорадочно листая календарь в телефоне. Ничего. Только смутное беспокойство. Он написал ей: «Привет, как дела?». Она ответила почти сразу: «Норм. Ты не забыл, что в субботу?». Суббота. Он посмотрел на сегодняшнее число. Сегодня была пятница. Что в субботу? Он написал: «Напоминай». Лера ответила смайликом с поднятой бровью: «День рождения, дурачок! Ты обещал торт выбрать!». День рождения. Лерин день рождения. Он забыл день рождения собственной сестры. Не просто дату – само событие, его ожидание, обещание стёрлись из памяти, как будто их вырезали острым скальпелем. Артем уставился на экран, и по спине пополз холодный, липкий ужас. Ключ на тумбочке, казалось, смотрел на него. Металл был ледяным на ощупь, даже сквозь ткань рубашки, под которой он лежал.

Артем не спал до утра. Он сидел, уставившись в стену, и

пытался нащупать границы пропажи. День рождения Леры – не просто забытое событие. Он не мог вспомнить, что дарил ей в прошлом году, какой торт она любила (шоколадный? клубничный?), даже как звучала её смех в последний раз. Воспоминания были выдолблены аккуратно, оставив после себя лишь смутные тени и чувство стыда. Он вёл дневник в телефоне, но записей о предстоящем празднике не было. Как будто он никогда не планировал его.

Ключ лежал на столе. Теперь он воспринимал его не как артефакт, а как хищника, тихого и терпеливого. «Цена, – подумал Артем. – Всё имеет свою цену». Он вернулся к дневнику деда. Листал страницы, надеясь найти больше, чем одну зловещую фразу. И нашёл. На самом первом листе, мелким почерком, почти выцветшим, было написано: «Они общаются миром, а не словом. Унесишь камень – принесёшь ветер. Чем ярче здесь, тем тусклее там. Память – это кровь, которой кормишь дорогу».

Это были правила. Безумные, пугающие, но правила. Артем записал их в свой блокнот, добавив свои наблюдения.

1. Тени не говорят. Они передают мысли, эмоции, воспоминания напрямую, образами.
 2. Каждое посещение мира теней отнимает у меня часть памяти.
 3. Нельзя брать с собой ничего из того мира.
 4. Чем дольше я там, тем сильнее меняется моё тело здесь.
- Он посмотрел на свои руки. В ярком утреннем свете они

казались обычными, но если приглядеться, кожа выглядела чуть более прозрачной, будто истощённой. Вены проступали чётче. Или это ему мерещилось?

Мать позвала завтракать. За столом было неловко. Он чувствовал, что должен что-то сказать Лере, но не знал что. «С днём рождения» звучало бы фальшиво и поздно. Она болтала о подругах и школе, а он кивал, ловя обрывки её воспоминаний, которые в нём больше не отзывались. Боль от потери была странной: не острой, а тупой, как ноет зуб, которого уже нет.

После завтрака он закрылся в комнате и взял ключ. Он был холодным и тяжёлым. Артем разжимал и сжимал пальцы, чувствуя, как странная сила тянет его обратно к шкафу. Но он сопротивлялся. Он боялся. Боялся забыть что-то ещё. Имя матери? Своё собственное лицо?

Вечером он встретился с друзьями в парке. Старая компания: Макс, Витя, Катя. Они смеялись, вспоминали прошлое лето, поездку на озеро. Артем пытался встроиться в разговор, но чувствовал себя посторонним. Катя что-то сказала про «тот смешной случай у костра», все захихикали. Артем натянуто улыбнулся.

– А помнишь, как ты тогда пел? – подмигнул Макс.

Артем покачал головой. Он не помнил. Не было в памяти ни костра, ни песен, ни ощущения тёплого летнего ветра. Была пустота. Все посмотрели на него с лёгким удивлением.

– Да ладно, забыл уже? – Витя хлопнул его по плечу. – Ты

же потом весь вечер извинялся за свой голос.

Они засмеялись, и разговор переключился. Но Артем сидел, словно парализованный. Он вспомнил (нет, не вспомнил, понял) – он стеснялся своего голоса, никогда не пел при людях. А значит, тот случай был особенным, моментом преодоления. И этот момент был украден. Вырван с корнем. Забыт первый раз, когда он перестал бояться и запел.

Он вернулся домой опустошённым. Правила работали с безжалостной точностью. Каждый визит – плата. Каждая встреча с тенью – утрата. Он спрятал ключ в самый дальний ящик стола, завалил его книгами. «Хватит, – сказал он себе. – Никаких больше дверей».

Ночью ему снова снились тени. Они не шумели. Они просто стояли и смотрели. А одна, похожая на тень деда, держала в руках-пятнах что-то маленькое и светящееся. Образ: он, Артем, семи лет, целующий в щёку девочку с косичками во дворе. Первый поцелуй. Невинный, смешной, важный. Тень протягивала этот образ, как подношение. А потом образ померк и рассыпался пеплом. Артем проснулся с криком, зажатый в горле. Он вскочил, схватил блокнот и под утро, при холодном свете лампы, вывел дрожащей рукой: «Забыт первый поцелуй. С девочкой. Во дворе. Имя? Не помню».

Ключ в ящике, под тяжестью книг, вдруг издал тихий, мелодичный звон, будто отозвался на запись. Он всё слышал. Он всегда будет слышать.

Прошла неделя. Артем пытался жить нормальной жизнью: школа, домашние задания, прогулки с друзьями, которые теперь казались чужими. Пустота внутри росла. Он ловил себя на том, что забывает простые слова, теряет нить разговора, не может вспомнить, куда положил телефон пять минут назад. Лера заметила его отстранённость.

– Ты как зомби, – сказала она однажды за ужином. – С тобой всё в порядке?

– Устаю, – буркнул он, отодвигая тарелку с недоеденным ужином. Он забыл, любит ли он это блюдо.

Мать смотрела на него с тревогой, но молчала. Он видел, как её взгляд скользил по его прозрачным, как ей казалось, от бессонницы рукам.

Ключ не давал покоя. Он не звонил снова, но присутствовал в каждом уголке комнаты – тяжёлое, немое напоминание. Артем читал и перечитывал правила, пытался найти лазейку. «Память – это кровь, которой кормишь дорогу». Что, если не кормить? Не открывать двери? Но дорога, раз открытая, казалось, требовала своей доли сама. Провалы в памяти случались и без новых визитов, словно болезнь прогрессировала.

И всё же тяга вернуться была сильнее страха. Его манила не только загадка, но и призрачная надежда: а что, если там можно что-то найти? Не только терять? Ведь дед что-то знал. Его тень передала любовь, а не только забвение. Может, есть способ... поговорить?

В пятницу, когда дома никого не было, Артем снова подошёл к шкафу. Ключ в его руке был уже не холодным, а тёплым, живым, будто радуясь возвращению. На этот раз дверь в мире теней открылась не на пустынной улице, а в узком переулке между двумя громадами зданий. Туман здесь был гуще, он стелился по земле, скрывая камни мостовой. Артем двинулся вперёд, нащупывая путь. В тумане что-то шевельнулось. Не тень, а нечто более плотное, смутно очерченное. Фигура в длинном, до пола, одеянии с капюшоном. Она стояла неподвижно, и Артем почувствовал на себе её взгляд, тяжёлый и оценивающий.

Он хотел обойти её, но фигура плавно двинулась навстречу, и туман вокруг неё рассеялся. Одеяние было не чёрным, а тёмно-серым, как всё здесь. Капюшон скрывал лицо, но Артему вдруг стало невыносимо знакомо положение плеч, лёгкая сутулость, манера держать руки – одна прижата к груди, как будто держит невидимую книгу. Павел Сергеевич. Учитель истории, который умер от болезни два года назад. Скучный, педантичный, но бесконечно влюблённый в своё дело человек. Он мог целый урок рассказывать о быте древних римлян, и его глаза при этом горели.

Тень учителя не стала приближаться вплотную. Она просто стояла. И в сознание Артема, без образов и эмоций, влилась чёткая, ясная мысль, похожая на голос Павла Сергеевича, читающего лекцию: «Мир этот питается небытием. Ты открываешь дверь – даёшь ему кусок своего есть. Чем боль-

ше отдаёшь, тем ближе становишься к ним. Двери открываются только для тех, кто не боится исчезнуть. Страх – это барьер. Принятие – ключ. Но не тот, что в твоей руке».

Мысль сменилась. Перед внутренним взором Артема возник образ самого себя, стоящего перед зеркалом. Его отражение было пустым, прозрачным, как чистый лист стекла. И за этим стеклом шевелились тени.

Артем отшатнулся. Сообщение было слишком прямым, слишком страшным. Он не хотел «принимать» исчезновение! Тень учителя медленно повернулась и пошла прочь, растворяясь в тумане. Артем остался один, его разум кружился от услышанного. «Питается небытием». Значит, его память... она просто исчезала, становясь пищей для этого серого мира? Он чувствовал себя скотиной, которую ведут на убой.

В отчаянии он побрёл по переулку, не глядя по сторонам, и наткнулся ногой на что-то. Он наклонился. На камнях, у стены, лежала книга. Не серая и не тeneвая, а самая обычная, в потрёпанном картонном переплёте с выцветшими буквами. Он поднял её. «Сказки народов мира». Его книга. Та самая, которую ему читала бабушка, когда он болел в детстве. Он помнил ощущение колючего пледа, вкус малинового варенья и запах старой бумаги. Книга была реальной, тяжёлой, осязаемой. На внутренней стороне обложки детской рукой было выведено: «Артёмка». Его почерк.

Сердце забилося чаще. Он нарушил правило. «Унесишь

камень – принесёшь ветер». Но это же его! Его память в материальном виде! Может, это знак? Возвращение чего-то, а не потеря? Он судорожно сунул книгу в рюкзак и, почти не помня себя, побежал искать дверь обратно.

Он нашёл её быстро, будто мир, получив свою плату, отпускал его сейчас без сопротивления. Выскочив в гостиную, он упал на колени, тяжело дыша. Потом вытащил книгу. Она лежала на полу, обычная, настоящая. Он открыл её на любимой сказке про летучий корабль. И... ничего. Текст был знакомым, картинки теми же, но эмоциональная связь, тёплое чувство безопасности и любви, которое он помнил (помнил ли?), отсутствовало. Книга была просто объектом. Как будто, забрав её из мира теней, он забрал лишь оболочку, а суть, память, связанная с ней, осталась там. Или была съедена.

Он закрыл книгу и вдруг понял, что не может вспомнить, как звучал голос бабушки. Совсем. Он помнил, что она читала ему, помнил факт, но сам тембр, интонации, тепло – стёрлись. Он потерял голос бабушки. Очередная плата. На этот раз – за попытку что-то вернуть.

Артем засмеялся, горько и бессильно. Слезы текли по лицу сами собой. Он был в ловушке. Ключ в его кармане вдруг начал излучать мягкое, зеленоватое свечение, пробивающееся сквозь ткань. Он вытащил его. Металл светился изнутри, как гнилушка в лесу. Это был красивый, жуткий свет. Свет маячащего в тумане болота. Свет, ведущий к гибели.

Свет ключа погас к утру, оставив после себя лишь обычную ржавую поверхность. Но в Артеме что-то переломилось. Страх превратился в ожесточённое, почти отчаянное любопытство. Если ему суждено забыть всё, то он хочет знать – что находится в конце. Что такого важного скрывается за последней дверью, что ради этого стоит терять себя? Правило, вычитанное у деда, и слова тени учителя указывали на финал. «Двери открываются только для тех, кто не боится исчезнуть». Он боялся. Ужасно. Но и остановиться уже не мог.

Он начал исследовать мир теней методично, как учёный, обречённый на смертельную болезнь, которая, однако, дарует невиданные знания. Каждый визит он планировал: ставил будильник, чтобы не задерживаться, вёл подробный журнал потерь до и после. Потери были избирательны и болезненны. После следующего визита он забыл, как играть на гитаре, которую осваивал пять лет. Пальцы помнили аккорды, но связь между мозгом и мышцами распалась. После ещё одного – стёрлось воспоминание о первой победе на школьной олимпиаде по математике. Осталась лишь смутная гордость без причины.

Ключ стал его продолжением. Он не просто открывал двери – он начал чувствовать их. Когда Артем оказывался в сером городе, ключ в его руке слабо вибрировал, указывая на направление к ближайшему portalу. Двери были разными: деревянные, железные, арочные, низкие лазейки. Но все без ручек. Все открывались только его ключом.

Однажды вибрация привела его в тупик, заваленный обломками камней цвета пепла. Среди обломков стояла дверь. Неприметная, покрашенная когда-то в зелёную краску, теперь облупившуюся и седую. Она была до боли знакомой. Дверь его дома. Крыльцо с треснувшей ступенькой, почтовый ящик с вмятиной – всё, как в реальности. Сердце Артема ёкнуло. Он вставил ключ, повернул. Открыл.

Запах. Запах домашней пищи, чистящего средства и старого паркета. Тот самый. Но обои в прихожей были другими – не в мелкий цветочек, как сейчас, а в вертикальную полоску. На вешалке висело пальто, которого не было у его отца. Из гостиной доносились голоса. Он замер, прислушиваясь. Голос матери. Но... более молодой, звонкий. И смех сестры. Но Лере здесь, судя по голосу, лет шестнадцать, не двенадцать.

Он осторожно прошёл в гостиную. Семья сидела за столом. Мать, сестра и... мужчина. Не его отец. Этот был полнее, с седеющими висками и добрым, усталым лицом. Они ели торт и о чём-то спорили, улыбаясь. Картина была тёплой, уютной, живой – но чужой. Как сцена из параллельной жизни.

Артема заметила сестра. Она обернулась, и её глаза, такие же светлые, как у реальной Леры, расширились от удивления.

– Ой, а ты кто? – спросила она без страха, больше с любопытством.

Мать и мужчина обернулись. Их взгляды были не враждебными, а скорее озадаченными. Они видели его. Не как тень, а как живого, чужого человека в их доме.

– Я... – начал Артем и запнулся. Кто он здесь?

Мать встала, подошла ближе. Она смотрела на него пристально, потом её лицо исказилось смесью жалости и чего-то похожего на ужас.

– Ты... из той стороны, да? – тихо сказала она. Её голос дрожал. – Бедный. Опять заблудился?

– Что вы знаете? – выпалил Артем. – Что это за место?

Мужчина встал, положил руку на плечо жены, защищая. – Там, откуда ты пришёл, ты, наверное, умер. В каком-нибудь несчастном случае. А здесь... здесь всё по-другому. Здесь ты не родился. Или родился, но другим. Это дом, которого для тебя нет.

Артема будто ударили в грудь. «Ты умер в другом мире». Это не было злой насмешкой. Это звучало как констатация печального факта. Мир теней был не миром мёртвых. Он был миром не случившегося, миром утраченных возможностей, параллельных ветвей, которые отсекала реальность. И тени... были ли они душами? Или просто отпечатками, эхом choices, которые не были сделаны?

Он отступил к двери, не в силах вынести этот тёплый, чужой уют, который подчёркивал его собственное небытие здесь. Мать-тень (была ли она тенью? она казалась такой реальной) сделала шаг вперёд.

– Не ищи последнюю дверь, – быстро прошептала она. – Она для живых закрыта. Она откроется только тогда, когда живым ты быть перестанешь.

Артем выбежал, захлопнул дверь. Он стоял, прислонившись к холодной стене серого переулка, и рыдал, тихо, беззвучно. Пустота внутри разрасталась, заполняя всё. Он чувствовал, как что-то огромное и важное вырывается из памяти. На этот раз это была не просто деталь. Это был целый пласт. Он поднял голову, пытаясь за что-то зацепиться. Отец. Он думал об отце. И понял, что не может вспомнить его лицо. Вообще. Он помнил, что отец ушёл, когда ему было пять. Помнил скандалы, хлопанье дверью. Но самого отца – его улыбку, цвет глаз, тембр голоса – нет. Отец стал абстрактным понятием, «человеком, который ушёл». Личные воспоминания о нём растворились, как сахар в воде.

Когда он вернулся домой, в свою реальность, он первым делом бросился к старому семейному альбому. Нашёл фотографию: он, маленький, на руках у улыбающегося мужчины в очках. Отец. Артем смотрел на фото, и оно было как чужое. Он не чувствовал связи. Воспоминание было мертво. В отчаянии он слишком сильно сжал уголок картонного альбома, и старый, высохший клей не выдержал. Фотография выскользнула и, описав дугу, упала прямо на включённую лампу настольного света. Край тут же обуглился, пламя с жадностью лизнуло бумагу. Артем затушил её, но было поздно. Лицо отца съело чёрное пятно. Остался лишь он сам, маленький,

на чьих-то невидимых теперь руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.